

Л. А. АНДРЕЕВА

**Рецензия на книгу: Дударенок С.М., Сердюк М.Б.
История протестантских церквей Приморского края.
XIX – XX вв.**

В рецензии анализируется проведенная авторами книги реконструкция возникновения и развития протестантских конфессий на территории Приморского края. Вместе с тем, основное внимание уделено проблемному осмыслению предмета монографии, формулировке нерешенных проблем, постановке задач дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: *история религий, история Приморского края, православие, протестантизм, лютеранство, штундизм, прозелитизм.*

В монографии С.М. Дударенок и М.Б. Сердюк рассматривается на большом фактическом материале история протестантских церквей с момента появления их первых последователей и религиозных общин на территории современного Приморского края и до начала 1990-х гг. Авторы ставили перед собой масштабную задачу исторической реконструкции возникновения и развития протестантских конфессий на территории Приморского края в контексте общероссийской истории и истории российского протестантизма в целом¹. Научная значимость проблемы определяется, на мой взгляд, прежде всего тем, что история российского протестантизма важна для понимания механизма религиозной самоидентификации населения Российской империи, СССР, Российской Федерации. Весьма важен и вопрос о границах распространения конфессий, поскольку конфессиональный выбор во многом опосредует цивилизационное самосознание, чувство общности исторических традиций, коллективной судьбы, настоящего и будущего группы народов, имеющих близкие культурные ценности и идеалы и выдвигающих общие проекты жизнеустройства глобального значения².

На основе анализа и систематизации обширного комплекса исторических источников, в том числе многочисленных архивных материалов, авторам удалось реконструировать историю возникновения и

¹ Дударенок, Сердюк 2014. С. 7.

² Ионов, Хачатурян 2002. С. 5.

развития протестантских конфессий на территории Приморского края, что послужит весьма важным фактологическим фундаментом для последующих исследований данной проблематики. Вместе с тем, чтение монографии С.М. Дударенок и М.Б. Сердюк и размышления относительно предмета исследования вызывают ряд принципиальных вопросов, на которые, вероятно, дадут ответ уже будущие исследования данной темы. В монографии утверждается, что вероучение баптистов, евангельских христиан, адвентистов седьмого дня и пятидесятников не разрушает цивилизационную идею Российского государства³. Однако, это утверждение не фундировано и не прояснено с точки зрения того, каким образом протестантское самосознание соотносится с коллективной судьбой, ценностями и идеалами, общим проектом глобального жизнеустройства, которое можно соотнести с идеей Российской цивилизации. Собственно, не прояснено и то, что понимается под «идеей Российской цивилизации».

В монографии подробно анализируется генезис возникновения и распространения в XIX в. протестантизма среди русского населения под влиянием проповедников, прежде всего выходцев из Германии, т.е. речь идет о цивилизационном контакте российской цивилизации и западноевропейской. Общим местом многочисленных исследований специфики российской и западной цивилизации стала констатация факта существенных отличий между ними. Для западноевропейской цивилизации характерна выработка универсальных, безличных институтов и норм, таких как право, разделение властей и т.д. Благодаря этому западная цивилизация обрела практически неограниченные возможности для распространения вовне. Ведь ее институциональная система обеспечивала взаимодействие обществ вне зависимости от их культурно-конфессиональной принадлежности.

Основанием российской цивилизации не выступает универсалистский нормативный порядок. Можно согласиться с мнением Б.Г. Капустина, что объяснение этому следует искать не в «мистике» русской души, не в генотипе нашей общины, не в догматике, обрядности, византийском происхождении русской православной церкви, а в конкретных исторических обстоятельствах формирования российской цивилизации, сложившихся в ходе ее развития. Эти обстоятельства состояли прежде всего в том, что социальная ткань, многообразие народов, из которых сформировалась российская цивилизация, включали в себя различные

³ Дударенок, Сердюк 2014. С. 6.

нормативные системы, не способные к самопроизвольному сращиванию, конвергенции, синтезу в универсальном для евразийского ареала единстве⁴. На мой взгляд, важнейшей характеристикой российского цивилизационного самосознания, начавшего конституироваться именно в XIX в., является его либо отождествление, либо противостояние с западными цивилизационными ценностями (западники – славянофилы). Думается, что именно конкретные исторические обстоятельства середины и второй половины XIX в. явились тем фактором, который сделал возможным цивилизационный контакт, результатом которого явилось рождение российского протестантизма.

Авторы монографии ограничились констатацией того факта, что «появление и развитие протестантизма в Российской империи среди русских происходило в период общего кризиса крепостнического хозяйства, падения крепостного права и развития капитализма»⁵. Очевидно при этом, что история протестантизма в России значительно древнее. Должно было пройти три века российской истории, прежде чем осуществился этот контакт, в то время как протестантизм в России (в форме лютеранства) присутствовал уже с XVI в. Известно, что первые протестантские (лютеранские) общины появились в России еще при царе Василии III (1505–1533 гг.), а в 1576 г. московские немцы построили первую церковь. Количество протестантов в России стремительно увеличилось в XVIII в. с присоединением Прибалтики и Польши, а также в начале XIX в. после присоединения к Российской империи Финляндии. Однако вплоть до середины XIX в. протестантизм оставался религией немцев, финнов, эстонцев и т.д., но не имел ни малейшего влияния на русский этнос, несмотря на то, что лютеранские и реформаторские церкви и школы появляются во многих крупных городах, таких как Астрахань, Архангельск. Тогда возникает вопрос, что изменилось в середине XIX в.? Вероисповедная политика оставалась в целом неизменной и не содействовала прозелитизму, старорусское сектантство (христоверие, скопчество, субботничество) существовало вне контакта с протестантами. Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в двух плоскостях.

Во-первых, во второй половине XIX в. интенсивно идет процесс разрушения жизненного уклада, характерного для аграрного, традиционного общества; с реформами Александра II в русскую ментальность

⁴ Капустин 1994. С. 29.

⁵ Дударенок, Сердюк 2014. С. 10.

начинают активно проникать европейские идеи универсальных институтов и норм, растет мобильность населения, в том числе сельского, растет уровень образования всех слоев общества. Встает вопрос: как и в какой степени эти изменения способствовали появлению русского протестантизма? Для ответа на этот вопрос необходимо по сохранившимся источникам личного происхождения, материалам православных консисторий реконструировать особенности индивидуального и коллективного менталитета русских людей, становившихся протестантами. Особенности мироощущения, мировосприятия, формирующиеся на глубоком психическом уровне индивидуального или коллективного сознания, возникающие в недрах культуры, традиций социальных институтов, среды обитания человека, детерминируют психологические, поведенческие установки, как индивида, так и социальной группы.

Во-вторых, с каким направлением протестантизма связано появление и развитие русского протестантизма? Авторы монографии указывают, что первой формой русского протестантизма был штундизм, который развился на юге России под влиянием немецких проповедников из немецких колоний, далее акцентируется внимание на том, что штундисты отвергали учение Русской Православной церкви, ее иерархию и таинства, большое внимание уделяли братской поддержке членов общины: создавали кассы взаимопомощи, занимались благотворительностью⁶. При этом от внимания авторов ускользнул тот весьма важный факт, что немецкие колонисты, появившиеся на юге России во второй половине XVIII в., часто были религиозными диссидентами, не разделявшими вероучения и богослужебной практики канонической лютеранской церкви Германии. Одним из стимулов переселения из Германии в Российскую империю была свобода вероисповедания, дарованная Екатериной II и религиозные преследования на родине. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г. позволял свободное отправление веры и строительство культовых сооружений, однако запрещал прозелитизм на территории Российской империи в отношении христиан других конфессий (интересно, что прозелитизм в отношении мусульман был не только дозволен, но и приветствовался, более того мусульман дозволялось брать в крепостные). Среди немецких колонистов был наиболее распространен пиетизм, зародившийся в XVII в. в Германии и оппонировавший официальной лютеранской ортодоксии. Пиетисты не придавали особого значения догматике, в их учении на первый план выдвигались:

⁶ Дударенок, Сердюк 2014. С. 10.

внутреннее благочестие, нравственное усовершенствование, деятельная любовь, искреннее раскаяние. Можно констатировать, что пиетизм являлся направлением в лютеранстве, которое выдвигало на первый план повседневную жизнь верующего и отодвигало на задний план вопросы богословия и церковной организации. Важнейшее значение для пиетистов имели молитвенные собрания штунде (нем. *Stunde* – час) – ежедневные часы чтения и изучения Библии и совместных молитв, отсюда возникло название «штундизм».

Историки пиетизма выделяют следующие основные признаки: 1) практический характер вероучения, поэтому особое значение уделялось христианскому образу жизни, 2) все жизненные цели и правила основаны только на Библии; 3) миссионерский характер, стремление распространить свое вероучение вовне; 4) реформистский характер, противостояние с каноническим лютеранством, с «выхолощенностью» и «сухостью» лютеранской Церкви; 5) пасторы должны быть примером личного благочестия, а не только обладать одним академическим знанием, проповеди пасторов должны быть понятны верующим; 6) определенная веротерпимость, нужно любить неверующих и заблуждающихся, религиозные диспуты должны иметь сдержанный и уважительный характер. Как представляется, именно эти особенности способствовали успеху проповеди пиетизма среди русских и украинских крестьян будет иметь успех.

В России наиболее известными проповедниками пиетизма были пастор Иоганн Бонекемпер, его сын Карл Бонекемпер, пастор Эдуард Вюст. В XIX в. в немецких колониях практиковалось несколько течений пиетизма, различавшихся, прежде всего, отношением к канонической лютеранской церкви. Поэтому, когда Николай I попытался в директивном порядке навязывать пиетистским общинам лютеранских пасторов, выпускников Дерптского университета, пиетисты стали создавать так называемые «братские сообщества», чтобы противостоять давлению властей. Таким образом, в российском немецком лютеранстве с XIX в. существовало два течения – «церковных лютеран» и «братских общин». Церковными лютеранами (пиетистами) были в основном городские жители – представители средних и высших классов, а к братским общинам (новопиетистам) принадлежали жители немецких колоний, прежде всего юга России, таких как Новый и Старый Данциг, Вормс, Рорбах. В 1850-е гг. на основе пиетистских и новопиетистских общин формируется штундистское движение, ставшее родоначальником русского протестантизма. Стоит обратить внимание и на тот факт, что первым присо-

единился к пиетической общине г. Николаева в 1859 г. крестьянин Иван Федорович Онищенко. Та же закономерность наблюдается и в новописетических общинах Елизаветградского уезда, где активными проповедниками штундизма станут местные крестьяне Ефим Цимбал, Трифон Хлыстун и Иван Рябошапка. Думается, что успех штундизма среди крестьян следует искать в догматической и обрядовой простоте, веротерпимости и стремлении построить Царство Божие на земле – идея очень созвучная русской душе, искавшей свою Святую Русь, свой град-Китеж. Очень емко и верно охарактеризовал феномен штундизма в «Опавших листьях» Василий Розанов:

«Штунда – это мечта, “переработавшись в немца”, стать если не “святою” – таковая мечта потеряна, – то, по крайней мере, хорошо выметенной Русью, без вшей, без обмана и без материны дома и на улице.

– Несите вон иконы...

– Подавайте метлу!

С “метлой” и “без икон” Русь – это и есть – штунда.

Явление это огромно, неуловимо и повсеместно».

Он же заметил глубинную связь этого явления с реформами Петра I:

«Штунда – не одно евангелическо-церковное явление. Штунда – это все, что делал Петр Великий, к чему он усиливался, что он работал и что ему виделось во сне; штунда – это Винавер и Милюков, это Струве и его “Освобождение”. Если бы Петр Великий знал тогда, что она есть или возможна, знал ее образ и имя, он воскликнул бы: “Вот! Вот!! Это!! Я – только не умел назвать! – Это делайте и так верьте, это самое!!”»⁷.

Хотелось бы остановиться еще на одном аспекте исследования С.М. Дударенок и М.Б. Сердюк, а именно, истории существования русского протестантизма при Советской власти. Авторы на обширном материале показывают, что в первое десятилетие советской власти протестанты беспрепятственно проводили собрания, как в своих молитвенных собраниях, так и в арендованных и частных домах. В это время публичный евангелизм, сопряженный с арендой больших залов и расклейкой афиш на тумбах центральных улиц и парков, становится неотъемлемой частью религиозной жизни протестантских общин страны⁸. Полностью можно согласиться с мнением авторов, что протестантские общины пользовались свободой, поскольку были гонимы при царской власти. Именно сельское население станет основой роста

⁷ Розанов 1990. С. 609-610.

⁸ Дударенок, Сердюк 2014. С. 101.

численности протестантских общин⁹. Можно утверждать, что российские протестанты в начальный период существования Советской власти (условно до 1929 г.) приняли ее и она приняла российских протестантов. В этой связи стоит поразмышлять над тем, какие ментальные причины лежали в основе этого явления, над тем, что коммунизм по своей природе был квазирелигиозен, был своеобразной трансформацией и деформацией старой русской мессианской идеи.

Большевики грезил воображаемой моделью будущего – коммунизмом, строительством на земле коммунистического «Царства Божия» и созданием нового совершенного «сверхчеловека». Вместе с тем и российский протестантизм был практическим вероучением, где особое значение уделялось христианскому образу жизни, стремлению обустроить земную жизнь согласно заповедям Христа, духовному самоусовершенствованию человека. Поэтому закономерно появление Бапсомола (баптистского союза молодежи), грандиозных проектов строительства Города Солнца, в котором должно было проживать до 800 тыс. христиан (этот проект лидера евангельских христиан И.С. Прохорова поначалу даже поддержал народный комиссариат сельского хозяйства).

Столь же закономерна и вторая фаза существования протестантских общин – эпоха гонений и преследований, начавшаяся примерно с 1929 г. Авторы детально прослеживают этот период истории российского протестантизма на Дальнем Востоке и совершенно верно отмечают, что исходным посылом этой фазы является несовместимость социализма со свободой религиозной пропаганды¹⁰. Эта несовместимость, на мой взгляд, имела онтологический характер: неприязнь коммунистического режима к христианству объяснялась во многом тем, что коммунисты усматривали в нем соперника по легализации тотальной власти и легитимации тоталитарного государства, поскольку в тоталитарном обществе существует только одно тотальное мировоззрение, которое и может быть признано государством единственным истинно верным.

В целом, в монографии С.М. Дударенок и М.Б. Сердюк при опоре на обширный материал, собранный авторами в центральных и региональных государственных, общественных архивах и в архивах религиозных организаций, предпринята убедительная фактологическая реконструкция истории протестантизма в Приморском крае. Вместе с тем, проблема истории русского протестантизма нуждается в даль-

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Дударенок, Сердюк 2014. С. 197.

нейших исследованиях, которые, возможно, дадут ответ не только на вопрос: «Как?», но и на вопрос: «Почему?».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дударенок С.М., Сердюк М.Б.* История протестантских церквей Приморского края. XIX–XX вв.: монография. Владивосток,: Издательство Дальневосточного университета. 2014. 596 с.
- Ионов И.Н., Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя. 2002. 384 с.
- Капустин Б.Г.* Россия и Запад: путь к миру миров // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения. М.: Издательство Института востоковедения. 1994. 254 с.
- Розанов В.В.* Сочинения в 2 Т. М.: Правда. 1990. Т.2. 718 с.

REFERENCES

- Dudarenok S.M., Serdyuk M.B.* Istoriya protestantskikh tserkvej Primorskogo kraja XIX–XX vv.: monografiya. Vladivostok,: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. 2014. 596 s.
- Ionov I.N., Hachaturyan V.M.* Teoriya tsivilizatsij ot antichnosti do kontsa XIX veka. SPb.: Aletejya. 2002. 384 s.
- Kapustin B.G.* Rossiya i Zapad: put' k miru mirov // Tsivilizatsii i kul'tury. Nauchnyj al'manakh. Вып. 1: Rossiya i Vostok: tsivilizatsionnye otnosheniya. М.: Izdatel'stvo Instituta vostokovedeniya. 1994. 254 s.
- Rozanov V.V.* Sochineniya v 2 T. М.: Pravda. 1990. T.2. 718 s.

Андреева Лариса Анатольевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН; andreeva@rbcmail.ru

Review: Dudarenok S.M., Serdyuk M.B.

History of Protestant churches in Primorsky area of the XIX-XX cc.

The review analyses the factual reconstruction of the origin and development of the Protestant denominations in the territory of Primorsky Krai carried out by the authors of the study. However, the article is focused on a problematic understanding of the subject of the monograph, the wording of unsolved problems, and setting tasks for further research.

Keywords: history of religions, history of Primorsky Krai, Eastern Orthodoxy, Protestantism, Lutheranism, stundism, proselytism.

Larisa Andreeva, Ph.D., Dr.Sc., senior research fellow, Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences; andreeva@rbcmail.ru